Каролинка

Каролинка, хрупкое эфемерное создание с блестящими, прозрачными крылышками, тоненькая и элегантная как балеринка, пробудилась наконец от многолетнего полусна и, открыв глаза, воскликнула: «Я рождена для высокой цели!» Услышав свой ясный голос, она сама тому удивилась, ведь ещё недавно она воспринимала всё окружающее таким расплывчатым и приглушённым. Долгие месяцы жизни под водой сделали Каролинку терпеливой, но и очень мечтательной, и она часто представляла себе момент своего последнего перерождения чем-то особенным. Но привыкшая только к размытым и преломлённым водой краскам и звукам, не знавшая ни этого пучкастого солнечного света, ни свежего, пахнущего незнакомыми травами ветра, она и отдалённо не могла себе представить всю остроту этого чувства, ощущения лёгкости тела и ясности сознания. Когда на груди её лопнула последняя, кажется, тридцатая оболочка, сковывающая её тело, Каролинка поползла на ещё неокрепших слабеньких ножках по скользким камням, наверх, к свету, как того требовал закон. И вот, оглянувшись по сторонам, она увидела пёстрый, резко очерченный мир в лучах ещё довольно высоко висящего в небе солнца, услышала всевозможные звуки, узнавая их отдалённо по воспоминаниям из своих прошлых жизней. Каролинка расправила крылышки и вспорхнула, как будто умела это всегда, легко и плавно приземлилась на соседнем,

тёплом и сухом камне, ближе к берегу. То тут, то там она наблюдала похожую картину: её сёстры тоже пробовали в полёте свои нежные крылышки.

«Свершилось! – подумала Каролинка. - Я здесь. И этот мир действительно совершенен, как об этом нашёптывала вода, моя колыбель, кормилица и учитель. Она же и богиня, и хранитель всех тайн, которые передаёт всем достойным, достигшим совершенства. Она лелеяла меня все эти долгие годы перевоплощений, не отдала на съедение голодной рыбе, научила меня стремлению ввысь, где состоится неотвратимая встреча с ним, моим партнёром. Наш первый и последний танец будет прекрасен и печален, потому что отдав дань нашей матери-воде, выполнив тем самым свой долг и предназначение, мы вернёмся в неё, чтобы уже никогда с ней не расставаться.»

Наслаждаясь чувством своей физической полноценности, Каролинка крепла с каждой минутой и летала кругами над росшим на берегу кустарником и не одна. Всё новые и новые сестрички выбирались из воды, присоединялись к рою. Все вместе они кружились в стремительном танце, не сбиваясь, не сталкиваясь друг с другом, заведомо зная все движения, высоту полётов и падений, очерчивая в воздухе замысловатые фигуры, мгновенно и одновременно меняя направление. В этом замысловатом танце была такая отточенность и целеустремлённость, что каждый, кто несколько минут понаблюдал бы за

ним, предположил бы вверху невидимого ведущего, держащего в руках сотни, даже тысячи тончайших нитей с маленькой балеринкой на каждом их конце.

Чем ниже садилось солнце, тем выше поднималось это животрепещущее серое нечто навстречу своему предназначению: слиянию с другим, плавно спускающимся с высот мушиным роем, состоящем из особей мужского пола. И вот эти два танцующих над водой облака (Какое поэтическое название акту оплодотворения обыкновенной мухи-однодневки!), замедлив движение, соприкоснулись, соединились, задышали уже одним ритмом, задвигались в едином порыве. Уже образовались первые пары, синхронно дрожащие крылышками. Большеглазые балеринки доверчиво прижимались к спустившимся к ним в прямом смысле с неба избранникам, готовые к самым важным секундам в их жизни - акту слияния и продолжения рода. Избранники обхватывали их длинными изящными конечностями, благодарные судьбе за возможность выполнить свой святой долг, достичь тем самым совершенства и в своей новой сущности вернуться в лоно взрастившей их всех богини.

В смятении чувств Каролинка всё же успевала замечать по сторонам происходящее. Её сестрицы, отрываясь от своих партнёров, спокойно и плавно опускались на воду, готовясь к материнству – своей последней дани богине. Всё остальное не имело для них уже никакого значения: ни танец

серых облаков, ни их слияние, даже безжизненно плывущие по воде крохотные тельца, сделавших своё дело танцевальный партнёров, не интересовали больше будущих матерей, ставших вдруг такими равнодушными и приводнёнными.

«Во что превратились эти восторженные балерины? Где их стремление ввысь, к совершенству, к свету?» - недоумевала Каролинка.

Мало-помалу движения в рое стали хаотичными: одни пары парили ещё в вышине, другие замирали на месте, третьи распадались, падали вниз. Каролинку оттеснили к самому краю пруда, и она кружилась недалеко от берега, всё ещё надеясь встретить предназначенного ей для последнего танца партнёра, возлюбленного, супруга. Но тут произошло непредвиденное. На очередном витке Каролинка столкнулась в воздухе с чем-то незнакомым и ворсистым, успела ещё ощутить чужой травянистый запах и, теряя ориентацию, полетела кубарем вниз, на воду.

Каролинка, умница, послушная, хорошая девочка не могла ещё прийти в себя от резкого падения, но уже задавала себе безжалостные вопросы: «Как могло со мной такое случиться?! Что я сделала не так? Какую ошибку совершила? Кто решил вмешаться и изменить мою судьбу?» Каролинка знала, что у их матери-богини были две родные сестры. Может, это они, не знающие покоя и уюта, нарушили извечный, знакомый ей порядок вещей? Одна из них - равнодушная и всезнающая

река, которая протекает недалеко отсюда, и широко разливается вёснами, касаясь пруда, забрав с собой часть согретой солнцем, уютной и сытной воды вместе с тысячами её сестричек, не достигших совершеннолетия, унося их в чужие края, оставив взамен леденящую чужую жидкость, которой ещё предстоит стать животворной. А другая - необузданная и дикая, мощная и злая стихия, которая время от времени спускается с небес и больно хлещет спину их добрейшей матери-богини, спрятавшей под собой всё хрупкое, живое, нуждающееся в её защите. Но ни на то, ни на другое было это глупое несчастье, случившееся с ней, не похоже. Вопрос - за что? - тоже оставался без ответа. Каролинка сидела на травинке, склонившейся над водой и всхлипывала в ритме её качания. Ветер тут же сушил её огромные, не прикрытые веками глаза, и казалось, она плакала без слёз. Супружество и материнство – после стремления ввысь две дальнейшие ступени на её пути к совершенству и слиянию с богиней-матерью – были ей заказаны. И надо было найти ответ, почему. И тогда, может, ещё можно было что-то исправить. Каролинка увидела своё отражение в воде и ужаснулась: от её первоначального сияния ничего не осталось. На неё смотрело жалкое существо с безвольно опущенными крылышками.

Так сидела она и горько плакала, не подозревая о том, что судьба сделала ей подарок. Выполни она свой долг материнства, она была бы уже давно мертва от истощения. А так – она жива, и

вдыхает влажный речной воздух, и шевелит блестящими крылышками, и могла бы наслаждаться, как прежде, этим чувством живости, если бы не мрачные мысли о невыполненном долге. Ей и в голову не приходило, что просто быть на этом кусочке пространства в течение трёх дней вместо отпущенного ей одного – это уже счастье. А способность летать, подхваченной лёгким ветерком, глядеть на мир с высоты могучих деревьев – это настоящая поэзия. Ей никто не сказал что она счастлива, и она сидела и горевала о несбывшемся, даже не пытаясь взлететь снова.

Из состояния оцепенения её вывел чей-то незнакомый голос, доносившийся с берега.

- Я, кажется, помешал твоему танцу, - прокричал толстяк с берега. – Но я не нарочно, я просто сильно раскачался на ниточке, перелетая через бугор, был подхвачен ветром и не успел сориентироваться. Знаешь, тут для меня всё ново, и я немного растерялся, вот и влетел в ваш рой. Спасибо, что ты мне на пути встретилась. От столкновения я полетел обратно на берег, а то бы я приземлился бы в воде и утоп. Вода – это смерть, но ты спасла мне жизнь!

Каролинка расслышала не всё, а только отдельные слова: нарочно, бугор, смерть, жизнь. Любопытная от природы, она подлетела ближе, но всё ещё держалась на безопасном расстоянии, не зная, умеет ли её новый знакомец летать и исходит ли

от него опасность. Приглядевшись, Каролинка увидела невзрачное, круглобрюхое и ворсистое существо с маленькой восьмиглазой головкой. Все восемь глаз, вопреки природному инстинкту косили в одну сторону, а именно, в её, да так удивлённо и восторженно, как будто она была существом с другой планеты.

И вдруг она узнала эти маленькие буравящие глазки, в которых тогда, в вышине, за долю секунды успела разглядеть и ужас, и какой-то сумасшедший восторг и бессилие перед неотвратимым, и догадалась, кто перед ней.

«Какой кошмар!» - ужаснулась Каролинка. Вместо изящного принца, очарованного тем же танцем и стремлением ввысь, что и она, она получила это неуклюжее создание, которое нагоняло ей страх. «За что, за что? Нет, это какая-то ошибка. А может, испытание? Значит, я ещё не готова к последнему перевоплощению, не достойна слияния с божественным, и меня хотят чему-то научить. Но кто и чему? Придётся жить дальше, чтобы понять», - думала муха-однодневка, ещё не догадываясь, что жить и выживать - это не одно и то же.

«Какое чудо!» – молча удивлялся в то же самое время Пашка (а это был, конечно же, он!) и размышлял дальше. – «За что мне такое счастье выпало?! После всего того, что я нарушил и попрал! Значит, не злопамятен и не зловреден наш двуногий бог, если не преследует меня, если позволил мне

прикоснуться к этому небесному созданию, а теперь сидеть рядом с ним и глядеть на него. Может, он даже наградил меня за риск, за то, что я решился, преодолев страх, на поступок, на полёт! И вот она, моя мечта, сбывается на глазах!»

Текли бесстрастные секунды и минуты. Тёмная вода уже проглотила отложенные в неё яички новых балеринок и мёртвые тельца, совершивших любовный акт танцевальных партнёров, их родителей, и на землю спустилась мгла, а воздух наполнился другими звуками. Каролинка озябла и, не обращая никакого внимания на завороженно глядящего ей вслед Пашку, взлетела и стала искать ночлег. Вернуться в свою, до этого дня такую родную водную стихию она не могла, понимая, что переросла себя, сменив плавнички на крылья, что обратной дороги нет. «Лететь, искать света!» - вспомнился ей завет, подчиняясь которому она за несколько часов до катастрофы была счастлива. И тут она заметила в траве светящийся комочек и решила подпорхнуть к нему поближе. «Может, это солнечный лучик, который днём заигрался в траве, прозевал закат и остался ночевать здесь, на лугу, свернувшись комочком? Во всяком случае, где свет, там и тепло», - подумала Каролинка свою первую самостоятельную и логичную мысль, следствие её хоть и не богатого, но жизненного опыта.

Святящийся комочек оказался вблизи девочкой-светлячком и довольно невзрачным созданием.

- Люция, – представилась она Каролинке. – Как видишь, довольно-таки яркая личность здесь на лугу.

- А чего это ты светишься? – робко спросила Каролинка свою новую знакомую, удивляясь её бойкости.

- От избытка чувств, - ответила та восторженно, ещё выше задирая свой светящийся зад.

- Это каких таких чувств? – снова не поняла Каролинка.

- Ну, ты даёшь! Да ведь это же известно каждой женской особи: мы рождены для любви и материнства. И вот этой-то любви у меня в избытке.

- И потому ты светишься? – ещё раз переспросила Каролинка.

- Так оно и есть! Люблю, потому и свечусь, - не без патетики в голосе ответила Люция.

- И кого это ты так любишь? – Каролинка огляделась по сторонам в поисках объекта этих необычных, зеленоватого цвета чувств, но поблизости никого не было.

- Как это кого? Ты что, обидеть меня хочешь? - взбесилась Люция и от этого засветилась ещё сильнее. – Своё будущее потомство, конечно. Вот заманю себе мужа, заведу детишек и буду их лелеять, воспитывать и жить только ради них! Только материнская любовь - настоящая, -

закончила своё выступление мать-героиня и немного потухла.

У Каролинки засосало от горького воспоминания под ложечкой. Перед её мысленным взором снова возникла картина, как её сестрички, заимев потомство, замертво падали в воду и как их было всё-таки жаль. Хрупкие существа, у них хватило сил только на этот последний подвиг. «Как бы этого не случилось и с Люцией», – с тревогой подумала она, но ничего не сказала, боясь, что та снова взорвётся. Да и выглядела Люция так воинственно, что переубеждать её было бесполезно. От её холодного света всё равно не было никакого тепла, и Каролинка отправилась дальше, туда, откуда шёл тёплый воздух.

В глубине луга Каролинка нашла себе пахучий бархатный домик, который медленно закрылся у неё над головой, и уснула, испытав впервые в этой её новой жизни чувство уюта и безопасности. На почтительном расстоянии от этого места устроился на ночлег, наконец нагнавший её, очень симпатичный влюблённый паук.

Пришло утро, как что-то само собой разумеющееся, и разбудило Каролинку жужжанием. По сравнению с убаюкивающим урчанием ночи оно вызывало хорошее настроение, и Каролинке захотелось вступить в этот весёлый хор. Но как только она открыла глаза, это желание у неё пропало. На краю цветка она увидела огромное мохнатое существо в полоску,

протянувшее в её сторону зловещие присоски или насосы – от страха было не разобрать.

- Сойди с цветка – работать мешаешь, - услышала Каролинка дребезжащий голос своей непрошеной гостьи, которая не представившись принялась засасывать своим насосом одну за другой блестящие капельки с лепестков и тычинок. Широко раскрыв и без того уже огромные глаза, Каролинка наблюдала за тем, как бесцеремонная неуклюжая толстушка с аппетитом слопала весь нектар и тут же перебросилась на соседний цветок. У Каролинки забулькало в желудке. Она вспомнила, что не ела ничего с момента своего последнего перерождения. Про таких, как она, говорят: святым воздухом питается. Вот этот-то воздух у неё в желудке и забулькал. И голод не проходил, а даже усиливался при виде этого чавкающего чудовища. Приложившись к капельке нектара, Каролинка прочувствовала его сладкий вкус, попробовала потянуть его в себя и не смогла. Её задача здесь, на поверхности, заключалась совсем в другом - в стремлении ввысь – и это ей было известно. А есть ей, в общем-то, незачем, да и нечем. А значит придётся умирать голодной смертью. Каролинке стало себя жалко. «И почему со мной такое приключилось? Всё не так, как у других», - посетовала она на свою судьбу.

Хлопотливая труженица-пчела, известная на полянке под именем тётя Фрида, всё ещё кружила вокруг Каролинки, отвлекая её от жалостливых

мыслей своим деятельным жужжанием, и вдруг обратилась к ней:

- Ты долго ещё собираешься рассиживаться?! А ну-ка, принимайся за работу! – приказала она с полным ртом и с большим презрением.

- Ах, что вы, я не умею работать, да и не положено мне. У меня другая цель, высокая. Мне нельзя от неё отвлекаться. И силы надо беречь. Сегодня, на закате солнца, я попытаюсь опять взлететь и выполнить свой долг! – затараторила Каролинка, оправдываясь.

- Погляди на неё. Какая принцесса! А кто будет за цветами ухаживать? Это, значит, чёрная работа? Это для нас, полосатых, да? А ты, видишь ли, лучше нас, изящнее, нежнее? А спать-то ты в цветке хочешь! А вот холить и лелеять его не хочешь?! А ну, пойди прочь, лентяйка!

И агрессивно-трудолюбивая тётушка с шумом погнала Каролинку прочь с луга, в сторону леса, всё дальше и дальше от родного берега. Удирая со всех крыльев, Каролинка ещё подумала: «Вот это её заклинило на работе! Лучше уж быть лентяйкой.» Но для кого лучше, она подумать не успела – уже сменилась декорация, и надо было снова приспосабливаться и выживать.

В лесу, как положено, голосили птицы. Вернее, в лесу голосили птицы как положено: громко и на все лады. Инстинктивно Каролинка начала их бояться и прятаться от них: они были так стремительно

быстры, так неожиданно падали сверху, задевая тенью, отбрасывая в сторону движением воздуха. Прячась от их зорких, наблюдающих за живущими этажом ниже глаз, Каролинка перелетала от дерева к дереву, от куста к кусту, по направлению к солнечной полянке, заросшей густой высокой травой. Здесь можно было перевести дух и осмыслить, что же произошло, а главное, что делать дальше. Каролинке подумалось, что ей опять не повезло: мало того, что ей не удалось встретить своего партнёра для последнего танца, вместо этого ей попадаются то какие-то уроды, то странные личности, которые её абсолютно не понимают, не уважают, постоянно поучают и разговаривают с ней как с наивной дурочкой. На себя бы посмотрели: одну зациклило на любви к потомству, которого нет, а может, и не будет, если разглядит в траве этот светящийся зад какая-нибудь голодная ночная птица; другая помешалась на трудолюбии. Все вокруг поют, порхают и влюбляются, а она всё работает да брюз-ж-ж-жит. Да и как не брюзжать – обидно: такая работящая и хорошая, а никто не ценит! Вот и приходится погромче кричать, чтоб заметили.

Каролинка обрадовалась, что она не такая, как эти две и что удалось унести крылья от назойливой моралистки. Здесь, в густой траве, где копошилось огромное количество маленьких, с виду безопасных насекомых, она решила дождаться вечера. Её тянуло к пруду, откуда доносился запах влаги, где

готовились к свадебному полёту новые маленькие балеринки.

Наступил жаркий полдень. Каролинку, качающуюся на былинке, сморило на сон. Чутко и беспокойно она проспала остаток дня, вздрагивая и просыпаясь от каждого шороха, следя за положением солнца на небе. В очередной раз проснувшись, она увидела, что всё вокруг потемнело. В страхе, что проспала закат, она вспорхнула с травинки, но солнце только спряталось за большую и плотную дождевую тучу. Подхваченная ветром, Каролинка полетела, но не в сторону родного пруда, а ещё дальше от него. И сколько бы она не хлопала крылышками, справиться с ветром ей было не под силу. А тут ещё хлынул дождь, заставивший её вновь опуститься в траву и искать убежище. Вода, та самая необузданная стихия, как мачеха, хлестала её больно по головке, по сильно похудевшей спинке, по крылышкам, и некому было защитить ослабевшую мушку. «Весь мир перевернулся», - думала Каролинка. – «Вода падает с неба, а ветер дует в обратную сторону. Что же делать?!»

Но ничего нельзя было поделать. Висеть и ждать, пока изменятся обстоятельства, и принимать окружающее с благодарностью за то, что ещё живёшь, зацепившись за стебелёк гнущейся под ветром травинки. Ещё в облике личинки Каролинка научилось первой женской премудрости – ждать, теперь она научилась ещё и терпеть. И то, и другое получалось у неё неплохо: Каролинка не

ныла, не жаловалась, да и всё равно никто бы не услышал. Когда вода устала падать на землю, Каролинка, в свою очередь, устала держаться за стебелёк, шлёпнулась в образовавшийся под ней журчащий ручеёк и отдалась течению, надеясь на то, что он принесёт её куда-нибудь, где и теплее, и суше. И не ошиблась: голодная, давно не получавшая влаги земля, быстро истощила ручеёк, и Каролинка вдруг приземлилась на полянке, недалеко от сказочно-огромного, старого дерева, ставшего её пристанищем этой ночью. Конечно же, во всей этой кутерьме она опять не заметила, с какой заботой и тревогой следят за каждым её передвижением четыре пары влюблённых глаз.

Отыскивая себе уютный уголок для ночлега, Каролинка заглядывала в корявые отверстия облупившейся коры дерева, из которых на неё то и дело испуганно или пугающе выпучивали глаза, шикали, прогоняя непрошеную гостью, шевелили угрожающе усами или даже пытались столкнуть. Но наконец один из жителей этого многоквартирного дерева сжалился и пустил Каролинку к себе под кров.

- Очень мило с вашей стороны, – поблагодарила вежливая Каролинка, надеясь на этот раз сделать приятное знакомство.

- Разрешите представиться, Цикадели, - старомодно начал старичок. – По сравнению со всей этой живностью, обитающей на этом трухлявом пространстве, я, конечно, уже старая

плесень: 17 лет – это возраст. Но в душе я молод, и к тому же поэт и музыкант, известный на всю округу.

Каролинка слушала, раскрыв рот. Старичок произвёл на неё впечатление. Настоящего поэта или музыканта ей ещё встречать не доводилось, а этот был и то и другое одновременно, да к тому же такой галантный и уважительный.

- Нет ничего прекраснее искусства, - продолжал Цикадели, не дав Каролинке назвать своё имя, шевеля экзальтированно усами и закатывая все три глаза, вертикально расположенные на лбу. Два других глаза смотрели один вправо, другой влево, так что на Каролинку не смотрел ни один из пяти, и она могла без стеснения старичка разглядывать. Коричневый фрак сидел на нём идеально, поверх него он носил как накидку два кружевных шёлковых крылышка. Он усиленно жестикулировал четырьмя верхними лапками, передвигаясь на двух задних. Время от времени он подходил к отверстию в стене, вернее, в стволе дерева, и прикладывался к струящейся из него жидкости. Странным образом он мог говорить и пить одновременно.

- Мы, Цикадели, в родстве с самим Аполлоном, и древние греки завещали нашему древнему роду хранить верность искусству. И хоть были времена, когда нас пытались посадить в клетку и заставить служить золотому тельцу, но мы всё-таки отстояли свою свободу. Настоящее искусство не продаётся!

Каролинка не знала ни Аполлона, ни древних греков, но сразу же прониклась к ним уважением, как и к старичку Цикадели, так любящему свободу. Но чем дольше он пил из отверстия в стволе, тем громче и сбивчивее становилась его речь. И наконец он запел своим старческим, но довольно-таки сильным голосом, который можно было сравнить с дребезжанием жестяной крышки, если бы Каролинка знала, что такое консервная банка. Песня была о любви, очень грустная и интенсивная, с однообразными переливами напева, и могла бы убаюкать Каролинку, если бы не была такой громкой. Содержание её сводилось к описанию местонахождения Цикадели: «Я здесь, Цикадуля, я здесь под листом» - и обращению к прекрасной Цикадуле не медлить, а прийти ещё этой ночью и осчастливить его. «Видно сегодня не удастся поспать, - подумала Каролинка. - И зацепило же его на этом искусстве!»

К середине ночи Цикадели всё-таки выдохся и умолк на несколько часов, и Каролинка успела немного отдохнуть. А утром старичок, только проснулся, сразу же стал буравить в стволе новую дыру, из которой вскоре забила струя живительной влаги. На запах свежей древесины прилетели голодные близнецы-осы, ещё немного хмельная со сна муха, а по стволу дерева уже карабкались, слизывая по пути стекающие капли, бессовестные муравьи. Но капель им было мало, и добравшись до источника, они стали оттеснять от него Цикадели. Притворяясь весельчаками и компанейскими

ребятами, они щекотали его под крылышками, дёргали за усы, а некоторые даже кусали ему лапки, чтобы он потерял опору и отпал от источника. Тут уж Цикадели не выдержал такого нахальства, обрызгал, как дворняжка, непрошеных сотрапезников из-под задней лапки и улетел из своего собственного дома, приглашая Каролинку следовать за ним - умный уступит. Вдвоём они полетели к ближайшему дереву.

- Знаете, дорогая, - попытался он загладить неловкую ситуацию. – Я так устал от этих шумных застолий. Иногда так хочется уединиться для творчества, но поклонники моего таланта не дают мне проходу, следуют за мной по пятам. Вот и теперь, поглядите, за нами неотступно следуют двое из них: по земле и по воздуху.

И действительно, по воздуху за ними следовала большая серая саранча и уже настигла Цикадели. В мгновение ока она перекусила его посередине, и оттуда раздался последний звук только что созданной, последней песни о прекрасной Цикадуле, так и не прилетевшей, чтобы осчастливить несчастного, теперь вот умирающего с хрустом певца.

Оцепенев от ужаса, Каролинка безвольно опустилась на траву и тут только увидела второго якобы поклонника только что съеденного Цикадели, а именно, всё того же, известного нам Пашку. Теряя силы, Каролинка успела заметить, что он метнулся в её сторону, и приготовилась умирать.